

Он прилетел в Москву как раз в тот день, когда у меня не было никакого настроения выходить «в люди». Но в то же самое время, я не мог отказать и своему давнему другу Юрию Федоровичу Маликову, который просил о моем знакомстве с богатым американцем. Короче говоря, решили встретиться за чашкой чая, и так впервые порог моего дома переступил настоящий миллионер с американским паспортом в кармане. Имя этого богатого иностранца — АНАТОЛИЙ МОГИЛЕВСКИЙ.

A РАССКАЗАТЬ о нем вкратце взялся для начала беседы и введения в курс дела сам ЮРИЙ МАЛИКОВ:

— С Анатолием мы знакомы давно. С 1970 по 1975 год он был солистом ансамбля «Самоцветы». Это был расцвет популярности коллектива, и девочки после концертов бегали за Толей, как сейчас за моим сыном. Сейчас, насколько я знаю, Анатолию 45 лет. Он уроженец Риги, и это его первый за 14 лет визит в Советский Союз. Жаль, конечно, что тогда страна потеряла еще одного хорошего артиста, но я Толю в те годы смог понять...

— Ну что, Анатолий, давайте вернемся на эти 14 лет назад. Почему вы приняли решение уехать?

— Это было, как вы, надеюсь, понимаете, непростое решение. Можно сказать, на 70 процентов отъезд произошел из-за того, что я не мог смириться с надругательством над моим (да и над нашим в плане группы) творчеством. Мы приносili в государственную казну баснословные доходы, а получали при этом от 10 до 20 рублей за концерт. Какие песни петь и кого именно, нам указывали в тогдашнем горкоме партии, а в каких костюмах и с какими прическами выходить на телекран — лично товарищ Лапин (председатель Гостелерадио тех лет. — Д. Ш.). Я был жестоко втиснут в рамки «совка» и глубоко переживал. Кто-то мирился с этим, кто-то еще раньше меня принял решение навсегда покинуть страну.

Уехали талантливейшие люди — Саша Лерман, Лена Бергер (недавно он приезжал в гости к Пугачевой из самой Австралии). — А. Ш.), Юра Фокин, Леонид Пильщик, Шульман, Шуфутинский. Чуть позже почти весь состав оркестра «Мелодия» и Игорь Саульский (родной сын композитора Юрия Саульского, — Д. Ш.). Я подал заявление, и через год получил разрешение.

Таких, как я, государство отпускало с легким сердцем. Ехал в Америку, не зная ни одного слова по-английски. На что надеялся — сам не знаю. Окунулся в среду русской эмиграции, но в ту, где о творчестве пришлось надолго забыть. Нас всех свободно выпускали из Союза, потому что мы многим мешали своей непреклонностью и по большому счету были никому не нужны. Но и в Америке нас не ждали с распростертыми руками. Прежде всего надо было выжить. Работал дворником, потом таксистом, учил языки, пытался как-то прокормить не только себя, но и семью.

— И как проходил период адаптации?

— Нелегко. Во-первых, я сразу понял, насколько мы нищие — по образу жизни, по возможности пытаться, зарабатывать деньги, по мышлению, по уровню образованности и информированности. У нас тогда, да и сейчас, наверное, критериями благосостояния были — золото, бриллианты, машины. У них — этажи и гектары определяют уровень жизни. Но даже если ты не работаешь (а у меня был и такой период), с голоду не дадут умереть — еда и медикаменты, многочисленные благотворительные организации всегда помогут тебе. Даже если ты и эмигрант из России.

Впрочем, есть в наших странах (как я понял еще тогда) и много общего. Как здесь, так и там рабочие — это низший класс, страдающий больше всего от налогов. Только в Америке их размер не превышает 35 процентов. И еще одно, на что стоит обратить внимание в Союзе (да, может быть, перенять), — если ты развиваешь свой бизнес и занимаешься благотворительностью, то процент налога тот же час уменьшается в несколько раз.

Устроившись на работу таксистом, я довольно быстро получил статус беженца, и это уже гарантировало хоть какую-то социальную защищенность. Затем, выучив язык, устроился петь песни в заходящий рестораник. Через 5 лет скопил денег и записал первый альбом. Это были песни Анатолия Днепрова. Весь тираж этой пластинки (около 1500 экземпляров) до сих пор лежит в моем просторном

доме. Семь тысяч заплатил за издание, а продал всего пару штук. Тогда понял, что выгоднее записывать кассеты — их слушают в машинах и покупают в 2-3 раза больше, чем пластинок. С тех пор я уже не ошибался — тратил больше (цены на студиях возросли до 15 тысяч долларов), но и отдача получалась больше.

— И все-таки семь лет назад ты получил в руки американский паспорт иступил на сцену одного из самых престижных ресторанов в Нью-Йорке.

— Да и сейчас я выхожу на помост в самые лучшие и дорогие дни — в пятницу, субботу и воскресенье. Пять лет назад я ушел из ресторана «Националь» в Лос-Анджелесе, где работал с Шуфутинским на пару, и переехал в Нью-Йорк.

Пишусь на разных студиях. Сразу после записи очередного альбома стараюсь как можно быстрее выехать на гастроли. Все необходимо делать в кратчайшие сроки, так как пиратские записи доходят до Израиля за 2 недели, а до Австралии — более месяца. Перед каждым выступлением мои люди торгаются кассетами, и если я чуть опоздал, то на рынке появляются уже пиратские кассеты и я прогорю.

Когда я слушал Гребенщикова, поюще-го на ломаном английском языке, которого американцы толком и понять не могли, мне было, честно говоря, стыдно и за него, и за тех людей, которые его привезли. Я живу здесь почти 15 лет и, пройдя все стадии «американского развития», поглощенных американским воздухом, понял, что мой ресторанный бизнес честнее и, главное, выгоднее, чем тех, кто приезжает в очередной раз «покорять Америку». Этую страну голыми руками не вымешь.

— А что конкретно ты имел в виду?

— Возьмем, к примеру, Вайкуле. Я не знаю, что писали о ней после возвращения в Союз, но сюда ее привезли люди, не имеющие понятия ни о бизнесе, ни об американской публике. То есть им-пресарио, заведомо опускают советских гастролеров на самое дно. Никто из менеджеров не хочет, а главное, не умеет рекламировать певцов из России. Экономят буквально на всем, и это отражается на выступлении актера, который рад не приему зрителей, а тому, что его сюда вообще привезли. А с Ирой Понаровской вообще вышел анекдот. Она работала в

Гастроли я довольно много — в основном езжу в страны, где есть выходцы из России. Это Израиль, Австралия. Группу с собой не беру. Невыгодно, так как авиационные билеты дорогие. В каждой стране набираю местных музыкантов, с которыми за 1-2 недели разучиваю всю программу.

Пишусь на разных студиях. Сразу по-

сле записи очередного альбома стараюсь как можно быстрее выехать на гастроли. Все необходимо делать в кратчайшие сроки, так как пиратские записи доходят до Израиля за 2 недели, а до Австралии — более месяца. Перед каждым выступлением мои люди торгаются кассетами, и если я чуть опоздал, то на рынке появляются уже пиратские кассеты и я прогорю.

— А у вас сейчас такого желания не возникло?

— Неделя, которую я здесь проведу, останется самыми счастливыми днями последних двадцати лет. Я здесь вырос, у меня здесь живут друзья, родственники, но насыщенным я сюда не приду. Хочу здесь выступать с концертами. Побывал на «Мелодии» и безвозмездно передал туда все свои записи. Пусть выпускают для тех, кто меня еще не забыл.

— В нашем разговоре мы коснулись Анатолия Днепрова. Несколько лет тому назад он вернулся в Союз, видимо, не выдержав заокеанской жизни. Так ли это?

— Вот Шульман. Ему, видимо, в Америке неплохо. Даже если его бизнес закончится, он сможет прожить за счет своей очень богатой жены. Днепрова же не смогло оценить то общество, в которое он попал. Он не раз говорил мне, что хотел, покорив Америку, завоевать весь русско-иммигантский мир. Но этого не случилось. Да и жена тянула его вернуться, страдая без Родины. Мать каждый день плакала. Ему не оставалось ничего другого, как вернуться.

— Третье — опять связано с автомобилем. Ребята, как же вы ездите? Это же просто катастрофа и гибель для любой машины.

Несколько раз я хотел зайти покушать, и, только увидев очередь в «Макдональдс», все окончательно понял. Поесть все-таки удалось в каком-то кооперативном кафе, но было страшно невкусно и двое суток болел живот. И, наконец, пьяное. Это попытки зайти в магазин. Это вообще не описешь словами — ни русскими, ни английскими.

Именно быта, я, видимо, не смогу выдержать, а семья, перед которой у меня обязательства, не поймет меня.

— Вы верите в будущее Советского Союза и в то, что все можно исправить?

— Теоретически да, но практически... Главная сложность страны в том, что правительство не хочет либо боится отдавать производство в частные руки. Я, конечно, не экономист и не политик, но думаю, что реально сможет поправить дела создание некоего Гонконга или Таиланда. То есть в промышленности использовать нормальную рабочую силу и грамотных руководителей. Безделье никогда ни к чему хорошему не приводило. Хотя все это маловероятно...

В этой ситуации мне прежде всего жаль близких людей и родственников. Я вижу, как они страдают и мучаются. Музыканты просят меня сделать им приглашение в Штаты, чтобы поработать со мной в программе. Это возможно, конечно, но хватит ли им репертуара? Да и нужно ли это вообще?

— Что вы успели сделать за те не сколько дней, что находитесь в Москве?

— Главное, я уже говорил, — стараюсь максимально пополнить свой репертуар. Слушаю много танцевальной музыки. Понравился Газманов, «Любэ», «Ласковый май», песни в исполнении Жени Белоусова. Это то, что сейчас хорошо пройдет в Америке.

Но больше всего был поражен талантом Димы Маликова. Он несет в себе тот стиль, использует те же музыкальные структуры, что сейчас особенно популярны в Америке. И что особенно ценно — он музыкант. Видно это с первой же услышанной песни.

У него может быть хороший прием у нас, но, как и каждого артиста, его необходимо грамотно рекламировать. Ведь американцы, приходящие на те или иные концерты, очень доверчивые люди. Всю музыкальную информацию они получают только из программ Эм-ти-ви или специальных передач по радио. Ничему другому они не верят. Популярность артиста во многом зависит от показанного клипа. Если видеоряд (а не сама песня) затронул душу людей, их чувства, то артист может стремительно взлететь вверх.

Здесь же добиться популярности, даже сложнее. Так как информация о музыке очень раздроблена. Есть она и в специальных программах, есть во «Взгляде», есть и в «Добрый вечер, Москва!». Главное, не как спеть, а как угадать, где бы себя показать.

Поэтому перед своим будущим приездом в Москву с концертами большую часть денег придется вложить в рекламу...

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ откроем небольшой секрет — вполне возможно, что в рамках итоговых концертов «ЗД» в начале будущего года нашим гостем станет Анатолий Могилевский, и тогда все мы сможем убедиться в том, насколько талантлив этот уже немолодой человек и как много в свое время мы теряли.

Дмитрий ШАВЫРИН.
Фото Александра АСТАФЬЕВА.

ПОКОРИТЕЛЬ АМЕРИКИ

Здесь собрал очень сильный состав из американцев. Мой барабанщик Алан Диаз раньше играл у самого короля самбы Сержо Мендеса, а бас-гитарист почти семь лет работал с Билли Джоэлом. Гитарист Игорь Северский (его далекие предки тоже из России, но он там никогда не был), занимающийся аранжировками, двадцать лет назад завоевал I место на фестивале музыки фламенко и входит в элиту гитарных виртуозов. И, наконец, клавишник — еще один очень известный музыкант, от которого я балдел, еще будучи в России. Это Анжей Зелинский — бывший руководитель варшавских «Скальдов». В нашей программе более тысячи песен — все танцевального плана. На русском, немецком, английском, итальянском и испанском языках. Именно такой контингент ходит к нам в ресторан. Я больше люблю петь для бывших русских. Они платят наличными, а американцы все ходят с кредитными картами. Частый гость моих шоу — Игорь Саульский. Он продюсирует мои кассеты и альбомы, а сам работает на фабрике кукол, сочиняя для них музыку для рекламных роликов. Музыка для рекламы в Штатах — очень крутой и престижный бизнес.

— Но играть и петь для жующей публики — разве выход из ситуации? Не мечтал ли ты заняться серьезным музыкальным бизнесом, тем более сейчас, когда твои дела идут успешнее ранней волны эмиграции и ты преуспеваешь круче Шуфутинского с Шульманом...

— Пусть эти мечты останутся мечтами. Живя в условиях музыкальной информации США, видишь развитие жанра в течение нескольких десятков лет. И каждый день задаешь себе вопрос — ну как с ними можно конкурировать? Моею сыну 8 лет, и даже он никак не может понять многих вещей. Мы ходим с ним на всех, кто приезжает в Нью-Йорк и работает для эмигрантов. Он постоянно спрашивает меня: «Пап, а на что надеются эти russkie? Почему у них такая неинтересная музыка?». Понимаете, здесь все так, как в старом анекдоте про клубнику. В Америке она есть каждый день с 8 утра, а в Союзе лишь тогда, когда со зреет. А как же авторские права? — спросите

Анатолий МОГИЛЕВСКИЙ:
«К сожалению, я уже не вернусь»

Сейчас мною записано 7 альбомов и столько же, соответственно, кассет. На компакт-диск пока не решаюсь. У моих друзей примерно такое же количество дисков, но их дела сейчас сильно хромают. Публика уже не хочет слушать блестящих или «одесских» песен, она приходит в ресторан танцевать. Я же таких песен никогда не пел, а кроме того, я прежде всего исхожу из музыки и аранжировок. Музыкант должен оставаться музыкантом всегда.

Но не вернусь, нет. Я слишком глубоко запустил корни в Америке, жена получила хорошее образование, окончив университет, сын родился и вырос в Штатах. Есть и еще пять немаловажных причин, на которые я тотчас же обратил внимание и не смог ничего для себя объяснить.

Это, конечно, мелочи, но именно на каждом дневном событии я не могу не обращать внимания. Может быть, я в чем-то не прав, но посудите сами — в любой цивилизованной стране это звучит почти дико.

В первый же день я поехал с моим бывшим коллегой по «Самоцветам» Юрием Патерсоном на его машине и чуть не упал в обморок. Он vez меня на ржавых, прогнивших «Жигулях», купленных еще... до моего отъезда в Америку. Я же сменил за это время более 10 автомобилей. Очень люблю ездить за рулем, но на «Волгах»